

Хань Чжоу замолчал и начал есть варёный арахис. Он понимал, что и Чжан Пэн, и босс говорили разумные вещи, но почему-то чувствовал, что у него есть какая-то связь с этим местом, словно магнит притягивал его и не давал уйти.

— Ну, подумай сам, — сказал Чжан Пэн, видя, что Хань Чжоу не в настроении обсуждать это.

Он взял куриное крылышко и добавил:

— В любом случае, рядом с Академией искусств проще набирать учеников. Если найдёшь дешёвое место, останься тут на пару лет, заработай репутацию, и это может пойти на пользу.

— Согласен, — кивнул Хань Чжоу.

Он уже просил друзей посмотреть варианты в более отдалённых районах, и через несколько дней нашёл подходящее место.

Это был пятиэтажный дом с недавно установленным подогревом пола, всего в двадцати минутах ходьбы от Академии искусств и его дома. Цены на старые здания в округе были не такими низкими, но, по словам агента, когда зарубежный китаец вернулся, чтобы забрать свою родовую землю, он попросил оставить ему два этажа по низкой цене, чтобы он мог арендовать их для бизнеса в 20xx году.

Зарубежный китаец был так благодарен за помощь, что предложил ему бесплатную аренду и даже хотел подарить несколько квартир в качестве благодарности, но тот отказался. Тогда зарубежный китаец попросил его связаться с управляющим в Китае, чтобы обсудить все детали.

Тот сказал, что приедет в апреле или мае, чтобы начать бизнес, и управляющий подготовил здание, установив подогрев пола и перестроив его по его требованиям, даже выделив два этажа отдельно. Но недавно зарубежный китаец позвонил и сообщил, что пока не сможет приехать.

Аренда двух-трёх этажей в некоммерческом районе была не такой выгодной, как аренда магазинов, особенно после перестройки. Управляющий и агент были в отчаянии, так как каждый месяц простоя приносил убытки.

Агент налил Хань Чжоу воды и с улыбкой сказал:

— Честно говоря, посмотрите вокруг — тут только маленькие студии. Если вы арендуете два этажа, то за полгода сможете вытеснить всех. Кто не захочет заниматься в большой студии? Это выглядит солиднее!

— Я хотел бы арендовать два этажа, — сказал Хань Чжоу, наблюдая, как лимон в стакане поднимается и опускается. — Но у меня нет таких денег.

— Деньги — не главное! — глаза агента загорелись. — Главное — хотите ли вы этим заниматься! Если возьмёте всё, мы сможем обсудить цену.

Хань Чжоу улыбнулся. У него было чувство, что он не только получит это помещение по выгодной цене, но и останется здесь надолго, без необходимости снова переезжать.

Хань Чжоу говорил с закрытыми глазами, но его лицо оставалось спокойным. Цзинь Шуань сидел на стуле у кровати, слушая его рассказ, и погрузился в воспоминания. Однако, когда

Хань Чжоу закончил рассказ о переезде, он замолчал, лениво зевнул и улыбнулся, выглядя очень довольным.

В комнате воцарилась тишина, и Цзинь Шуань задумался. Он уже слышал об этом эпизоде от Хань Чжоу, но сегодня тот рассказал всё подробнее. Однако гипноз — это не обычная беседа, почему же он вспомнил такие незначительные события?

Доктор Сун, заметив его задумчивость, коснулся его руки и беззвучно написал на планшете: [Обычно люди не вспоминают такие мелочи без причины. Вероятно, эти события важны для Хань Чжоу. Думаю, есть ещё что-то, о чём он не рассказал.]

Цзинь Шуань тоже об этом подумал.

Он вспомнил о таинственном человеке, которого никогда не видел. Тот появлялся всего два раза, но всегда в ключевые моменты.

Первый раз — когда правительство открыло дружественную политику для зарубежных китайцев, и он позвал Цзинь Шуаня вернуться, чтобы забрать родовое имущество и заняться бизнесом. Второй раз — когда Хань Чжоу переезжал. Хотя он не помогал напрямую, его действия случайно помогли Хань Чжоу решить проблему.

Цзинь Шуань достал сигарету и стал вертеть её в пальцах, но не закурил. У него были смутные подозрения о личности этого человека, и чем ближе он подходил к разгадке, тем больше напрягался и сомневался.

Через некоторое время доктор Сун снова обратился к Хань Чжоу:

— Хань Чжоу, вы закончили рассказ?

Хань Чжоу на кровати покачал головой и тихо сказал:

— Конечно, нет.

В его сне снова появился туман, и чёрная бабочка, кружась, повела его к серо-голубому небу.

Хань Чжоу отряхнул с себя опавшие листья. С тех пор как он приехал в Лянчэн, он особенно не любил осень. Одеваться тепло — жарко, одеваться легко — холодно. Ветер бил по лицу, а с деревьев сыпались листья, создавая унылую атмосферу.

К обеду на блошином рынке стало больше людей, но это не касалось Хань Чжоу. Сегодня утром он не продал ни одной картины, да и за всю неделю — тоже.

Он подвинул табурет Лу Баня вперёд. Поскольку стеклянная панель, на которой лежали картины, была разбита наполовину, ему пришлось использовать пластиковую плёнку. Он разгладил смятую плёнку, прижал один угол кирпичом, а другой — ногой.

— Эй! — позвал его Сяо Чжао, который недавно начал продавать старый хлам. — Через несколько дней у нас дома праздник, попроси своего брата Хань Дун написать парные надписи?

Хань Чжоу положил маленькую книжку «Неряшливый король» на колени, закутался в пальто и посмотрел на Сяо Чжао. Тот был худым, с растрёпанными волосами и большими мешками под глазами.

Хань Чжоу взял булочку и откусил. Начинка из говядины была ароматной, а тесто — мягким и тёплым. Он давно не ел мяса, и слюна начала выделяться от одного запаха. Проглотив кусок, он почувствовал, как тепло разлилось по телу, и шутливо сказал:

— Напишу, если заплатишь.

— Эй! — Сяо Чжао покосился на него. — Булочку съел, а написать не можешь?

Хань Чжоу рассмеялся, быстро доел булочку и, разведя руками, пробормотал:

— Кто видел, как я ел твою булочку? Есть доказательства?

— Ах ты, собака! — Сяо Чжао пнул его ногой.

Хань Чжоу увернулся от его старого ботинка, проглотил булочку и поддразнил:

— Хочешь, чтобы мой брат написал надписи, а сам ругаешься? Ты что, значок Мао Цзедуна зря носишь, воспитанник!

Сяо Чжао засмеялся, пододвинул стул ближе и спросил:

— А ты какого года? Как мне тебя называть?

— 1976, до девятнадцати два месяца, — Хань Чжоу достал сигарету и протянул Сяо Чжао, но тот отказался.

Тогда он закурил сам и, зажигая спичку, сказал:

— Ты, видимо, моложе, зови меня дядей.

— Ах ты, хитрец! — Сяо Чжао рассмеялся. — Я 78-го, так что буду звать тебя братом, собака.

— Братец Обезьяна, — кивнул Хань Чжоу.

Сяо Чжао взял книжку «Неряшливый король» и начал листать:

— Кстати, говорят, ты из города С, как оказался здесь?

Хань Чжоу глубоко затянулся сигаретой и прищурился, вспоминая художественную галерею, с которой работал его брат. Если бы та галерея вела себя честно и вовремя выплачивала деньги, или хотя бы разрешала им самим продавать картины, ему бы не пришлось ехать в незнакомый Лянчэн и тайком выживать на блошином рынке.

<http://bllate.org/book/15564/1415648>